

UDC 94(47).084.8

КРИНКО Е.Ф.

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра
Российской академии наук, доктор исторических наук (Россия)

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТЕЙ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (1941-1945): ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ¹

В статье рассматриваются источники изучения детской памяти о Великой Отечественной войне. Главное внимание уделено комплексам материалов, сложившимся в ведущих российских архивах, современным документальным публикациям, а также устным рассказам. Имеющаяся в распоряжении исследователей источниковая база свидетельствует о том, что воспоминания детей военного времени в значительной степени противоречивы и содержат разные описания, что позволяет говорить о различных моделях восприятия истории войны.

KRINKO E.F.

Institute of Social-Economic Research and Humanities of Southern Scientific
Center of Russian Academy of Sciences, Dr (History) (Russia)

MEMORIES OF CHILDREN OF WAR TIME (1941-1945): SOURCES OF STUDY

The article considered the study of the sources of the child's memory about the Great Patriotic War. The main attention is focused on the complexes of materials in leading Russian archives (Russian State Archive of Socio-Political History, State Archive of the Russian Federation and other archives), contemporary documentary publications as well as oral histories.

Almost everywhere childhood memories, diaries and letters constitute an extremely small portion of those funds and collections that contain sources of personal origin of the war. But recently published a lot of childhood memories. The oral history played an increasingly significant role. Written stories of various categories of children - not only participants in the war, but also underage prisoners of Nazi concentration camps, eyewitnesses occupation, evacuation, blockade. Virtual archives, databases and data banks are the essential foundation for the study of many aspects of military childhood.

Source base is a lot of opportunities to explored the childhood memory of the Great Patriotic War. At the same time it shows that the child's memories largely inconsistent and contain different descriptions. This allows to talk about the different models of perception war history. Numerous "conflicts of memories" and still lingering taboo is largely due to the inhomogeneity of the historical memory of modern Russian and other postsoviet societies, including the contradictions of public and private cultural of memory. Socio-political transformations also contribute to filling the last different meanings.

КРИНКО Є.Ф.

Інститут соціально-економічних і гуманітарних досліджень Південного наукового центру
Російської академії наук, доктор історичних наук (Росія)

СПОГАДИ ДІТЕЙ ВОЄННОГО ЧАСУ (1941-1945): ДжЕРЕЛА ВИВЧЕННЯ

У статті розглядаються джерела вивчення дитячої пам'яті про Велику Вітчизняну війну. Головна увага приділена комплексам матеріалів, що відклалися у провідних російських архівах, сучасним документальним публікаціям, а також усним розповідям. Наявна джерельна база свідчить про те, що спогади дітей воєнного часу значною мірою суперечливі та містять різні описи, що дозволяє говорити про різноманітні моделі сприйняття історії війни.

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках целевого конкурса проектов междисциплинарных исследований №14-31-12036 "Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации, стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны".

Детство миллионов советских граждан пришлось на годы Великой Отечественной войны. Несмотря на то, что в 1990-х годах они стали гражданами различных государств, воспоминания о войне нередко продолжают определять их отношение не только к прошлому, но и к современным социально-политическим процессам, как представителей определенного поколения. Однако вопросы отражения событий военного времени в детской памяти лишь в последние годы стали привлекать широкое внимание исследователей [10; 11], что обуславливает целесообразность осмысления имеющейся в их распоряжении источниковой базы. Главным предметом анализа в данной статье являются основные комплексы источников, сложившиеся в фондах ведущих российских архивов, представленные в современных публикациях, а также устные рассказы детей военного времени.

Следует отметить, что в архивах России содержится не так много материалов, характеризующих специфику детской памяти о Великой Отечественной войне. Советские архивы всегда формировались как хранилища информации о государстве и его институтах, поэтому источники, рассказывающие о человеке и его восприятии событий, занимали в них второстепенное положение. Эти тенденции во многом сохраняются и в современной России, и в ряде других постсоветских государств, хотя и в значительно модифицированном виде, выражаясь не только в общих принципах организации и комплектования фондов, но и в архивной культуре.

Тем не менее, в ряде архивов отложились воспоминания детей военного времени. В первую очередь, это бывший Центральный архив ВЛКСМ (в настоящее время - Хранилище документов молодежных организаций Российского государственного архива социально-политической истории (далее - РГАСПИ)). В мае 1942 г. Секретариат ЦК ВЛКСМ принял постановление об организации выставки *“Комсомол и молодежь в Отечественной войне”*. Для сбора документов при ЦК ВЛКСМ 16 июля 1942 г. была создана специальная комиссия. Переданная в 1943 г. в состав Отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ, она была преобразована в сектор, просуществовавший вплоть до 1948 г. 19 августа 1944 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление *“О создании при обкомах, крайкомах комсомола, ЦК ЛКСМ союзных республик комиссий по сбору документов об участии комсомольцев и молодежи в Отечественной войне”*.

Для организации работы по сбору материалов об участии в войне комсомольцев и молодежи комиссией Отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ были подготовлены специальные инструкции. В них подробно рассказывалось, как и по каким вопросам следовало собирать документы и печатные материалы, записывать рассказы очевидцев: *“Эти записи рассказов и воспоминания будут являться большой ценностью, так как они отразят важные события, которые через некоторое время могут быть забыты. Они будут необходимы Вам, тем более что в освещении некоторых вопросов у Вас могут встретиться затруднения из-за отсутствия материалов первых лет войны”*. При этом следовало обращать внимание на достоверность рассказов, проверять приводимые факты, даты, фамилии и имена, указывать, с чьих слов записан рассказ, возраст и место жительства информанта. Одновременно указывалось на необходимость сохранения аутентичности документов: *“Совершенно не следует подвергать обработке документы (дневники, письма, воспоминания, протоколы, резолюции, обращения и т.д.), вносить в них исправления”* [19, д.309, л.52].

Впоследствии материалы выставки составили специальный архивный фонд. В нем содержится немало писем и других материалов, в которых сообщается о различных патриотических инициативах несовершеннолетних советских граждан, зверствах захватчиков на оккупированной территории СССР [20, д.262, 263, 494, 1773, 2154, 2228]. Здесь также хранятся детские рисунки и карикатуры, представляющие собой визуальные формы выражения их представлений о событиях военного времени [20, д.3545, 3567, 5720]. Отдельные дела составили рассказы детей, эвакуированных из фронтовой полосы, записанные писательницами Л. Чуковской и Л. Жуковой в Ташкенте [20, д.6630], воспоминания репатриантов, угнанных в подростковом возрасте на работу в Германию [20, д.7066].

Разумеется, запись рассказов очевидцев в значительной степени предопределялась пропагандистскими задачами, они были призваны крепить боевой дух советских граждан, разжигать их ненависть к врагу. Этой же цели отвечали и другие материалы, поступившие на

хранение в архив. Среди них, например, обращение пионерки Маши Носыревой на антифашистском митинге в защиту детей в Сталинграде, посвященное трагическим обстоятельствам оккупации недавно освобожденного города: *“Мне пришлось пережить черные дни на занятой врагом земле <...> Слезы выступают на глазах, когда вспоминаешь этих зверей-немцев <...> Палачи, убийцы детей нашли себе вместительную могилу в нашем городе. Недалек тот час, когда будут уничтожены все фашистские бандиты”* [19, д.100, л.33].

В 1942 г. по инициативе Отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ был составлен сборник воспоминаний детей о немецкой оккупации *“Слушай нас, Родина!”* под руководством А.Климова. Сбор материалов проводился в недавно освобожденных от противника частях Московской, Калининской (в настоящее время - Тверской), Тульской и Смоленской областях. Несовершеннолетние авторы описывали ужасы немецкой оккупации: казни, пытки и грабежи советских граждан, перенесенные физические и моральные страдания, голод и холод. После того, как у 10-летнего Б.Овсова убили мать и закопали живым в землю младшего брата, он сначала хотел умереть, а потом решил жить, *“чтобы вырасти и отомстить фашистам”* [19, д.95, л.232-233]. Обращаясь к отцу-красноармейцу, 11-летний Н.Алешин, мать которого забили плетью, писал: *“Папа, убивай фашистских собак без пощады. Папа, убей за маму сто фашистов!”* [19, д.95, л.260]. Призывы *“убить немца”* звучат своеобразным рефреном и в других текстах, проникнутых ненавистью и жаждой мести захватчикам. По неизвестным причинам в годы войны книга так и не была опубликована. В 1943 г. в Челябинске вышел сборник под редакцией Климова, в который вошли лишь два рассказа из указанной рукописи [3, с.26].

После войны сбор воспоминаний фактически прекратился и возобновился уже в период *“оттепели”*. В 1961 г. редакция *“Комсомольской правды”* обратилась к читателям с предложением прислать свои воспоминания о *“самом памятном”* дне войны, обещая опубликовать самые интересные рассказы на страницах газеты. Но при публикациях, как правило, предпочтение отдавалось уже известным авторам и героям, проверенным сведениям. Остальные получали стандартный ответ, в котором, наряду со словами благодарности за предоставленные материалы, сообщалось, что напечатать их не представлялось возможным. Это вызывало вполне объяснимое непонимание, а то и обиду у авторов писем [3, с.21].

В последующие десятилетия сбор фронтовых писем и воспоминаний участников войны периодически осуществляли газеты и журналы, комсомольские и пионерские организации, музеи, школы, поисковые отряды и отдельные краеведы в различных регионах. Собранные материалы обычно передавались в школьные, ведомственные и краеведческие музеи, которые не всегда могли создать необходимые условия для их сохранения. В 1990-х годах часть созданных трудом энтузиастов коллекций оказалась безвозвратно утрачена. Более благоприятная судьба ожидала источники, переданные в государственные архивы. В настоящее время одна из самых крупных коллекций фронтовых писем и воспоминаний участников войны хранится в РГАСПИ. Ее основу составили материалы, собранные в ходе специальной акции *“Память”* в 1980 г. ЦК ВЛКСМ совместно с редакцией журнала *“Юность”*, переданные редакцией журнала *“Огонек”* в 1981 г. и поступившие непосредственно от бывших фронтовиков и их родственников. Определенную ее часть, впрочем, крайне немногочисленную относительно общего количества документов коллекции, составляют материалы, принадлежащие детям военного времени [21, д.681, 714, 796, 1041а, 1348, 1356, 1381]. Подобная ситуация характерна и для других федеральных и региональных архивов: практически везде детские воспоминания, дневники и письма составляют крайне незначительную часть даже тех фондов и коллекций, которые содержат источники личного происхождения о войне.

Мотивы обращения в редакцию со своими воспоминаниями один из несовершеннолетних участников Великой Отечественной войны А.Н.Вербовой связал с присутствием многим взрослым фронтовикам стремлением узнать о судьбах боевых товарищей: *“В который раз я собираюсь писать вам, и каждый раз меня берет сомнение. Однако решаюсь еще раз попытаться счастья, возможно, не говоря уже о встрече, но хоть узнать, что кто-то еще есть из тех фронтовиков, с которыми я, будучи сыном полка двенадцати лет, шел нога в ногу”*

по фронтовым дорогам от Днепропетровска до самой Германии” [21, д.676а, л.5]. Практически также объяснил причины своего участия во встречах с однополчанами в 1970-е годы А.М.Гуревич, боевой путь которого начался в 11-летнем возрасте в конце 1942 г. в Сталинграде, а завершился в начале 1945 г. под Будапештом [23].

Обращает внимание то, что встречи ветеранов, как и активизация работы по сбору писем и воспоминаний приобрели массовый характер со второй половины 1960-х годов, свидетельствуя о трансформации самой памяти о войне в советском обществе по сравнению с двумя предыдущими десятилетиями. С одной стороны, Победа в войне превращалась фактически в единственное средство легитимации советского строя [1, с.21]. С другой стороны, эти коммеморативные практики, при сохранении многочисленных “*фигур умолчания*”, выступали необходимыми способами переживания войны, позволяя постепенно освободиться от ее травмирующего характера.

Именно с этим обстоятельством было связано и обращение многих “*детей войны*” к ее событиям и осмысление роли последних в их собственной жизни. Постепенно формировалось осознание общности трагической судьбы поколения, оставшейся за пределами общественного внимания, в отличие от поколения участников войны: “*Мы дети войны. Радость жизни омрачена горем и печалью. Непреходящий голод, разруха, одеты в рванье. У каждого из нас в семье есть погибшие. Отец или брат. Нам ненавистно слово “война”. Душит злоба и сжимаются кулачки при произнесенном слове фашист. Одно стремление, быстрее бы подрасти и уехать на фронт, чтобы помочь своему папе, такому долгожданному и уже забытому в лицо*” [21, д.1378, л.1а]. При этом воспоминания отражали стремление их авторов соответствовать господствующим ценностям: “*Перенеся все лишения военных лет, мы, дети войны, не ожесточились, не озлобились, не утратили человеколюбия, не потеряли радости к жизни. Война не испепелила наши души. Несмотря ни на что мы выжили, мы выстояли, хотя и росли без отцов*” [21, д.1378, л.4].

Наряду с воспоминаниями - источниками, имеющими, как правило, более позднее происхождение, к тому же рассчитанными на публичность, в архивах отложились и другие материалы. К ним, в частности, относятся сочинения на тему “*Мои переживания во время оккупации*”, которые писали советские школьники после освобождения многих регионов. Комплексы таких источников выявлены в Центре документации новейшей истории Ростовской области и Государственном архиве Краснодарского края. Появляются первые исследования, в которых школьные сочинения становятся предметом специального изучения [24].

Представляют интерес и опросные листы несовершеннолетних “*восточных рабочих*”, находившихся на принудительных работах в Германии и других странах. Опрос репатриантов осуществляла Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее - ЧГК) с целью “*поименного учета немецких рабовладельцев, виновных в эксплуатации и истязании советских граждан, для привлечения их к суду, а также для предъявления немецким захватчикам иска на возмещение затрат, произведенных на лечение и выплату пенсий советским гражданам в связи с утратой ими трудоспособности в немецкой неволе*” [27, д.167, л.21]. В настоящее время опросные листы “*восточных рабочих*” хранятся в фонде ЧГК в Государственном архиве Российской Федерации и сгруппированы в отдельные дела в соответствии с административно-территориальным делением. Несмотря на выход первых исследований, указанные источники еще недостаточно введены в научный оборот [12].

Изменение подходов к изучению детской памяти о войне в последние годы способствовало значительному увеличению числа документальных публикаций на данную тему, расширению их проблематики. Так, издан специальный сборник по материалам РГАСПИ, включающий воспоминания детей военного времени, записанных как в 1941-1942 гг., так и в 1961-1965 гг. [3]. Вышел и ряд других воспоминаний “*детей войны*”, нередко стремящихся показать, что

их биография выступает отражением драматической судьбы всего поколения [4, 5, 6, 7, 13, 15, 18]. Характерен подзаголовок одной из таких публикаций: *“Воспоминание, выстраданное мной и поколением 1941-1945 гг.”* [14]. По словам другого мемуариста: *“Война покaleчила наши судьбы, особенно судьбы детей. У нас не было ни детского садика, ни школы, ни больницы. Детство прошло в сплошном кошмаре, в голоде, холоде и страхе”* [7, с.44].

Несколько специальных сборников воспоминаний отражают представления детей и подростков военного времени о Сталинградской битве, ставшей одним из самых жестоких и кровопролитных сражений Великой Отечественной войны. Одним из первых специальных изданий о трагедии детей Сталинграда стал сборник, изданный по инициативе Общества городов-побратимов *“Кёльн-Волгоград”* на русском и немецком языках. Одни его авторы были угнаны на принудительные работы в Германию, другие находились в самом Сталинграде или на оккупированной территории, третьи жили за Волгой, в советском тылу [9].

Другой сборник посвящен несовершеннолетним участникам Сталинградской битвы, численность которых, по мнению его составителей, составила более 2500 чел. [16, с.84] Авторы воспоминаний описывают особенности фронтовой повседневности представителей разных родов войск, тяжести пережитого военного опыта: *“Я же был в пехоте, а пехота - это ужас. Ты как ишак, все на тебе: и гранаты запасные, и лопата, и патроны, и НЗ... Конечно, в пехоте было очень трудно. Везде трудно, везде смерть, но в пехоте без конца рой, окапывайся до полного роста”* [16, с.158-159]; *“Запомнилось больше всего из Сталинградской битвы, как я мерзла и как у меня по локоть были руки в крови, и колени были в крови всегда. Это были такие страшные, серые дни. Подвигов я не совершала, я только перевязывала, садилась с ранеными в катер, когда их переправляли на тот берег, а оттуда брали нормальных бойцов, не раненых, перевозили сюда, это была такая повседневная, трудная работа”* [16, с.212-213].

В результате воспоминания несовершеннолетних участников Сталинградской битвы порой мало отличаются от мемуаров их старших товарищей, в них практически нет ничего специфически *“детского”*. Действительно, на войне несовершеннолетние военнослужащие в большинстве своем стремились подражать взрослой модели поведения (как сказал А.М.Гуревич, *“война сделала меня из пацана мужиком”* [23]), а по ее окончании следовали сложившимся практикам коммеморации. *“Дети войны”* - воспитанники военных частей, юные партизаны и подпольщики - доказывали, что не зря оказались на фронте и бились *“до последней капли крови”* за Родину, внося свой вклад в победу над жестоким врагом: *“О смерти не думал совершенно. Знаете, у нас было желание воевать, чтобы не быть лишним...”* [16, с.176]. Немногие авторы признаются в том, что вели себя как-то иначе, например, при получении радостного известия о переходе советских войск в контрнаступление под Сталинградом: *“Мы, семнадцатилетние мальчишки и девчонки, пели, плясали, дурачились, прыгали, радуясь гулу орудий. Наконец-то наши пошли вперед. Взрослые радовались по-своему, выпивали за победу”* [16, с.279].

В то же время рассказы несовершеннолетних участников войны более эмоциональны в описаниях событий: *“Сказать, что было не страшно - это глупо. Да, было страшно. Когда бомбили, мне казалось, что эта бомба именно мне в спину, моя она, такое было ощущение. Она воеет так душераздирающе, ан нет, упала не на тебя, а где-то еще. Потом к этому начинаешь привыкать”* [16, с.176]. Ю.И.Самохин отмечает: *“Сейчас некоторые ветераны рисуют радужную картину. Но я такой радужной картины не помню”*. Автор без всякого пафоса пишет: *“Мне дали большую винтовку, она почти до земли доставала прикладом, штык выше меня, двести патронов, три гранаты и одну противотанковую гранату. В вещмешке был НЗ - сухари”*. С расстояния в несколько десятилетий он скромно оценивает свои возможности: *“Я был мальчишка. Все стреляли, и я стрелял. Все наступали, и я наступал”* [16, с.337]. Многим воевавшим подросткам надолго врезались в память первый убитый солдат вермахта, перенесенные физические страдания и материальные лишения, другие трудности и невзгоды военного времени. С этим нелегким грузом воспоминаний в течение

длительного времени приходилось жить и справляться самостоятельно, никаких реабилитационных мер для бывших фронтовиков, как взрослых, так и детей, не предусматривалось.

Очевидно, что появление подобных описаний связано с социально-политическими трансформациями последних десятилетий, сопровождающимися переоценкой событий военного времени. Этим обусловлены и первые публикации мемуаров несовершеннолетних *“остовцев”*. М.Черненко, угнанный на работу в Германию подростком из оккупированного Харькова, так характеризует причины прежнего умолчания о судьбах *“восточных рабочих”*: *“Неузнавание друг друга - был такой синдром у вернувшихся домой, в кого без конца тыкали пальцем и заставляли снова и снова заполнять анкету: “находился...”, “где, когда и при каких обстоятельствах...”*. *И прочие радости поднадзорной, по существу, жизни в своей стране, записавшей нас в люди уж не знаю какого сорта. Во всяком случае, ниже второго”*. По словам мемуариста: *“Продолжалось это, наверное, лет десять, если не больше. Потом стало понемногу как бы стираться”* [28, с.233-234].

Еще более серьезные причины молчать о прошлом существовали у подростков, находившихся в составе вооруженных формирований, воевавших на стороне Третьего рейха. Они были вынуждены долгое время скрывать от окружающих данные факты своих биографий, не раз менять имена, фамилии и места жительства, чтобы избежать клейма *“предателей”*. Во многом отношение к коллаборационистам как к изменникам Родины в России продолжает сохраняться, в отличие от Прибалтики и Украины, где они оказались новыми *“национальными героями”*. Поэтому публикации воспоминаний данной группы подростков по-прежнему достаточно редки. Одним из немногих исключений являются *“Записки юного казака”* Н.Васильева. С осени 1941 г. он выполнял хозяйственные работы в немецкой части, затем попал в русский полк, действовавший против партизан, побывал в школе юных казаков во Франции и казачьем поселении в Австрии, откуда сбежал на Балканы в 1-ю казачью дивизию Г. фон Паннвица. Излагая свою *“пунктирную, далеко не прямую линию судьбы”*, Н.Васильев писал, что его *“возраст не позволял сделать сознательного выбора в годы войны”*, но ему пришлось *“почти столетия скрывать свое прошлое”* [2, с.63]. Вынужденное полувековое молчание стало источником серьезной психологической травмы, и публикации воспоминаний свидетельствуют о желании этой части *“детей войны”* добиться оправдания своих действий и своих судеб через общественное признание.

Значительная часть *“детей войны”* все еще остается *“безмолвствующим большинством”*. Услышать голоса его представителей позволяет устная история, получающая все более широкое распространение в последние годы. Исследователи, занимающиеся записью детских рассказов о войне, отмечают: *“Доминирующая часть опрошенных нами “детей войны” никогда не сталкивалась с необходимостью или возможностью публичного изложения своего военного опыта. Они находились “в тени” ветеранов-фронтовиков”* [25, с.344]. По словам А.К.Агаркова: *“Раньше, 20-30 лет назад, Вы бы мною совершенно не заинтересовались, потому что были участники, герои, которые шли в атаку, ранения получали, гибли там, убивали немцев, защищали Родину. А о таких, как я, Господи, что о них писать? Ну, прятались там где-то по подвалам, выглядывали, что-то видели, что-то помнили”* [22].

Проведение опросов среди детей военного времени оправдано уже тем, что эта возрастная категория является последним поколением, с уходом которого прекращается эпоха прямых свидетелей войны. Рассказы несовершеннолетних участников и очевидцев военных событий в последние десятилетия фиксировали, наряду с отдельными исследователями и рабочими группами, созданными на временной основе, специально созданные центры устной истории Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества *“Мемориал”*, Европейского университета в Санкт-Петербурге, Воронежского педагогического, Петрозаводского, Ставропольского (в настоящее время - Северо-Кавказского федерального) и Южно-Уральского государственных университетов и других учреждений. Записываются рассказы различных категорий детей - не только участников войны, но и несовершеннолетних узников нацистских концлагерей, очевидцев событий оккупации, эвакуации, блокады.

Создаваемые виртуальные архивы, базы и банки данных становятся важнейшей основой для изучения многих аспектов военного детства. Многие материалы опубликованы в специальных и общих сборниках, печатных и электронных СМИ [8; 18; 26].

Таким образом, имеющаяся в распоряжении исследователей источниковая база представляет немало возможностей для изучения детской памяти о Великой Отечественной войне. В то же время она свидетельствует о том, что воспоминания детей военного времени в значительной степени противоречивы и содержат разные описания, что позволяет говорить о различных моделях восприятия истории войны. Многочисленные “конфликты воспоминаний” и все еще сохраняющиеся табу во многом объясняются неоднородностью самой исторической памяти современного российского и других постсоветских обществ, в том числе противоречиями публичной и приватной культур памяти. Свою роль играют и социально-политические перемены, способствующие наполнению прошлого разными смыслами.

1. *Андреев Д.* Пространство памяти: Великая Победа и власть / Д. Андреев, Г. Бордюгов. - М.: АИРО, 2005. - 54 с.
2. *Васильев Н.* Записки юного казака / Н. Васильев // Тимофеев Н.С. Война и судьбы. - Невинномысск: [Б.и.], 2002.
3. Война глазами детей. Свидетельства очевидцев. - М.: Вече, 2011. - 384 с.
4. *Гура Г.С.* Опаленное детство: Воспоминания / Г.С. Гура. - Сочи: ООО “Пилигрим-Парк”, 2005. - 132 с.
5. Дети и блокада: Воспоминания, фрагменты дневников, свидетельства очевидцев, документальные материалы. - СПб.: Вести, 2000. - 180 с.
6. Дети Ленинграда на Урале: Воспоминания, дневники, письма, документы о жизни на Урале детей, эвакуированных из Ленинграда во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. - Пермь: [Б.и.], 2000. - 88 с.
7. Детство, опаленное войной 1941-1945 гг. Сб. - 2-е изд., испр. и доп. - Архангельск: [Б.и.], 2006. - 384 с.
8. “Детство умения было...” Образ концентрационного лагеря в воспоминаниях бывших несовершеннолетних узников. Сб. ст., воспоминаний и интервью. - Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2010. - 320 с.
9. “... и горела Волга”: оставшиеся в живых Сталинградцы вспоминают. Документация. - Волгоград: “Издатель”, 2004. - 291 с.
10. *Кринко Е.Ф.* Военное детство (1941-1945 гг.): основные направления исследований / Е.Ф. Кринко // Материнство и детство в России (XVIII-XXI вв.). Сб. науч. ст. В 2 ч. - М.: ГОУ ВПО “МГУС”, 2006. - Ч. II. - С. 155-169.
11. *Кринко Е.Ф.* Детство военных лет (1941-1945 гг.): проблемы и перспективы изучения / Е.Ф. Кринко // Вестник Адыгейского государственного университета. - 2006. - №4. - С. 25-31.
12. *Кринко Е.Ф.* Репрессированная память: воспоминания несовершеннолетних “восточных рабочих” / Е.Ф. Кринко // Вторая мировая война в памяти поколений. Сб. науч. ст. - Краснодар: Изд-во “Эдарт-принт”, 2009. - С. 42-60.
13. *Крут Я.* Повесть о подаренной жизни. Повесть / Я. Крут. - 2-е изд., доп. и перераб. - Тель-Авив: [Б.и.], 2012. - 185 с.
14. *Лагунова К.Г.* За победу! Правда о войне 1941-1945 гг. (на вахту стали дети) / К.Г. Лагунова. - Краснодар: Изд-во КубГУ, 2007. - 28 с.
15. Недописанные страницы. - М.: Изд-во “Пресс-Соло”, 1996. - 320 с.
16. Несовершеннолетние солдаты Сталинграда. Сб. - М.: Вагриус, 2007. - 384 с.
17. *Орлов А.Ф.* Военное детство (Это было в станице Апшеронской). Художественно-документальная повесть / А.Ф. Орлов. - Майкоп: ОАО “Полиграф-Юг”, 2010. - 220 с.
18. Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества. Материалы и исследования. - М.: Новое изд-во, 2006. - 392 с.
19. РГАСПИ, ф.М-1, оп.32.
20. РГАСПИ, ф.М-7, оп.1.
21. РГАСПИ, ф.М-33, оп.1.
22. Респондент: Агарков Анатолий Константинович, 1933 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Запись 14 апреля 2013 г.
23. Респондент: Гуревич Арнольд Михайлович, 1931 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, М.В. Медведев, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Запись 4 апреля 2013 г.
24. *Рожков А.Ю.* “Вместо сияющего будущего - участь рабыни”: репрезентация переживаний в период оккупации в нарративах краснодарских школьников (1945 год) / А.Ю. Рожков // Вторая мировая война в детских “рамках памяти”. - Краснодар: Экоинвест, 2010. - С. 264-316.
25. *Стрекалова Е.Н.* Лакуны исторической памяти: детство военного времени 1941-1945 годов по устным воспоминаниям / Е.Н. Стрекалова // Вторая мировая война в детских “рамках памяти”. - Краснодар: Экоинвест, 2010. - С. 339-363.

26. Устная история в Карелии: сб. научных статей и источников. Вып.3. Финская оккупация Карелии (1941-1944). - Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. - 212 с.
 27. Центр документации новейшей истории Краснодарского края, ф.1072, оп.1.
 28. Черненко М. Свои и чужие. Документальная повесть / М.Черненко. - М.: Текст, 2001. - 237 с.

References

1. Andreev D. Prostranstvo pamjati: Velikaja Pobeda i vlast' / D.Andreev, G.Bordjugov. - M.: AIRO, 2005. - 54 s.
2. Vasil'ev N. Zapiski junogo kazaka / N.Vasil'ev // Timofeev N.S. Vojna i sud'by. - Nevinnomyssk: [B.i.], 2002.
3. Vojna glazami detej. Svidetel'stva ochevidcev. - M.: Veche, 2011. - 384 s.
4. Gura G.S. Opalennoe detstvo: Vospominanija / G.S.Gura. - Sochi: ООО "Piligrim-Park", 2005. - 132 s.
5. Deti i blokada: Vospominanija, fragmenty dnevnikov, svidetel'stva ochevidcev, dokumental'nye materialy. - SPb.: Vesti, 2000. - 180 s.
6. Deti Leningrada na Urале: Vospominanija, dnevniki, pis'ma, dokumenty o zhizni na Urале detej, jevakuirovannyh iz Leningrada vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg. - Perm': [B.i.], 2000. - 88 s.
7. Detstvo, opalennoe vojnoj 1941-1945 gg. Sb. - 2-e izd., ispr. i dop. - Arhangel'sk: [B.i.], 2006. - 384 s.
8. "Detstvo u menja bylo..." Obraz koncentrationnogo lagerja v vospominanijah byvsih nesovershennoletnih uznikov. Sb. st., vospominanij i interv'ju. - Voronezh: Voronezh. gos. ped. un-t, 2010. - 320 s.
9. "... i gorela Volga": ostavshiesja v zhivyh Stalingradey vspominajut. Dokumentacija. - Volgograd: "Izda-tel", 2004. - 291 s.
10. Krinko E.F. Voennoe detstvo (1941-1945 gg.): osnovnye napravlenija issledovanij / E.F.Krinko // Materinstvo i detstvo v Rossii (XVIII-XXI vv.). Sb. nauch. st. V 2 ch. - M.: GOU VPO "MGUS", 2006. - Ch.II. - S.155-169.
11. Krinko E.F. Detstvo voennyh let (1941-1945 gg.): problemy i perspektivy izuchenija / E.F.Krinko // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. - 2006. - №4. - S.25-31.
12. Krinko E.F. Repressirovannaja pamjat': vospominanija nesovershennoletnih "vostochnyh rabochih" / E.F.Krinko // Vtoraja mirovaja vojna v pamjati pokolenij. Sb. nauch. st. - Krasnodar: Izd-vo "Jedart-print", 2009. - S.42-60.
13. Krut Ja. Povest' o podarennoj zhizni. Povest' / Ja. Krut. - 2-e izd., dop. i pererab. - Tel'-Aviv: [B.i.], 2012. - 185 s.
14. Lagunova K.G. Za pobedu! Pravda o vojne 1941-1945 gg. (na vahu stali deti) / K.G.Lagunova. - Krasnodar: Izd-vo KubGU, 2007. - 28 s.
15. Nedopisannye stranicy. - M.: Izd-vo "Press-Solo", 1996. - 320 s.
16. Nesovershennoletnie soldaty Stalingrada. Sb. - M.: Vagrius, 2007. - 384 s.
17. Orlov A.F. Voennoe detstvo (Jeto bylo v stanice Apsheronskoj). Hudozhestvenno-dokumental'naja po-vest' / A.F.Orlov. - Majkop: OAO "Poligraf-Jug", 2010. - 220 s.
18. Pamjat' o blokade. Svidetel'stva ochevidcev i istoricheskoe soznanie obshhestva. Materialy i issledovanija. - M.: Novoe izd-vo, 2006. - 392 s.
19. RGASPI, f.M-1, op.32.
20. RGASPI, f.M-7, op.1.
21. RGASPI, f.M-33, op.1.
22. Respondent: Agarkov Anatolij Konstantinovich, 1933 g.r. Interv'juery: E.F.Krinko, T.P.Hlynina. Mesto provedenija: ISJeGI JuNC RAN. Zapis' 14 aprelja 2013 g.
23. Respondent: Gurevich Arnol'd Mihajlovich, 1931 g.r. Interv'juery: E.F.Krinko, M.V.Medvedev, T.P.Hlynina. Mesto provedenija: g.Rostov-na-Donu, ISJeGI JuNC RAN. Zapis' 4 aprelja 2013 g.
24. Rozhkov A.Ju. "Vmesto sijajushhego budushhego - uchast' rabyni": reprezentacija perezhivanij v period ok-kupacii v narrativah krasnodarskih shkol'nikov (1945 god) / A.Ju.Rozhkov // Vtoraja mirovaja vojna v detskih "ramkah pamjati". - Krasnodar: Jekoinvest, 2010. - S.264-316.
25. Strekalova E.N. Lakuny istoricheskoi pamjati: detstvo voennogo vremeni 1941-1945 godov po ustnym vospominanijam / E.N.Strekalova // Vtoraja mirovaja vojna v detskih "ramkah pamjati". - Krasnodar: Jekoinvest, 2010. - S.339-363.
26. Ustnaja istorija v Karelii: sb. nauchnyh statej i istochnikov. Vyp.3. Finskaja okkupacija Karelii (1941-1944). - Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2007. - 212 s.
27. Centr dokumentacii novejshej istorii Krasnodarskogo kraja, f.1072, op.1.
28. Chernenko M. Svoi i chuzhie. Dokumental'naja povest' / M.Chernenko. - M.: Tekst, 2001. - 237 s.